

Военное измерение международных отношений

Вся история международных отношений неоднократно подтверждала правильность формулы К. Клаузевица о том, что «исход войны никогда не представляет чего-то абсолютного». Выдающийся военный теоретик справедливо приво-дил пример, как *побежденная страна* видит в победе своего противника «лишь преходящее зло, которое может быть исправлено в будущем последующими, политическими отношениями»¹.

Но справедливы слова прусского мыслителя и относительно *победившей страны*. О трудностях военного целеполагания, например, США повествует документальный фильм «Правда, война и последствия», снятый американской телеслужбой *PBS* в 2003 году о войне в Ираке. В марте Администрация Дж. Буша-мл. говорила о целях США в войне так: «Демилитаризация, демократизация и дебаа-сизация Ирака». Уже в октябре, после падения режима С. Хусейна, глава американской оккупационной администрации Ирака П. Бремер не смог однозначно сказать, добился ли Вашингтон хотя бы одной из поставленных целей².

Действительно, Вестфальская система международных отношений пронизана диалектикой «побежденных» и «победивших». В частности, Вестфальский мир закрепил гегемонию Франции и Швеции в Европе. Но с этим положением по разным причинам были не согласны Англия, Испания, Голландия и Россия. Как следствие: серия новых противостояний, начиная от Войны за испанское наследство и заканчивая противоборством европейских коалиций с «корсиканским узурпатором». Казалось бы, следующая за ней Венская система базировалась на более рациональных и справедливых идеях «концерта», предполагавших арбитраж великих держав. Но, во-первых, в число арбитров попали далеко не все, а во-вторых, внутри самого европейского «оркестра» практически с первого дня его появления стали возникать различные, порой радикально отличающиеся друг от друга вариации исполняемых «партий». В-третьих, постепенно о себе стали заявлять другие амбициозные «исполнители», претендующие на роль первой скрипки (объединенные Германия и Италия)³. В итоге нарастающая политическая «какофония» привела к масштабным сражениям Первой мировой войны: на Марне, под Верденом и на галицийских полях.

1 Клаузевиц, К. О войне. – М.: Госвоениздат, 1934. – С.23.

2 "Truth, War, and Consequences," YouTube, accessed June 15, 2022, <https://www.youtube.com/watch?v=RMSNUX3n6yA>.

3 Дебидур, А. Дипломатическая история Европы: От Венского до Берлинского конгресса (1814–1878). – М.: Госиздательство иностранной литературы, 1947.

Версальский мир, завершивший Первую мировую войну, не принес долгосрочной стабильности. По меткому выражению французского маршала Ф. Фоша, де-факто он был лишь «перемирием на 20 лет»¹. Наверное, иного и быть не могло, если в фундамент новой системы международных отношений было вмонтировано национальное унижение для целого ряда проигравших государств, прежде всего Германии. И в этом контексте стоит согласиться с оценкой известного правоведа-международника Р. Мюллерсона: «Ответственность за войны несет не только тот, кто первым нажал курок, но и все те, кто сделал их если и не неизбежными, то вероятными»².

Казалось бы, Вторая мировая война должна была стать последним крупным международным военным противостоянием. По крайней мере, так это казалось лидерам стран-участниц антигитлеровской коалиции. Однако даже на пике их эффективной кооперации (на конференциях в Тегеране, Ялте и Потсдаме) между представителями Запада и Советским Союзом имелись острые противоречия, подогреваемые антагонистическими разногласиями в идейно-ценностной сфере. Как следствие, окончание Второй мировой войны оказалось зарифмованным с холодной войной, в которой ведущими факторами стали ядерное сдерживание и борьба двух идеологических систем.

Символом нового мира, приходившего на смену холодной войне, стало крушение Берлинской стены. Однако и после этого знакового события, открывшего путь к объединению Германии, фактор силы никуда не исчез. Причин тому множество: например, по окончании холодной войны так и не появился всеобъемлющий мирный договор, который прописывал бы основные «правила осмотрительного поведения»³ в новой реальности. Два полюса биполярного мира пришли к итоговой точке глобального противостояния с неравными силовыми потенциалами и различными интерпретациями результатов биполярного соперничества. Очевидно одно: американская гегемония не привнесла стабильности и с каждым годом, по мере отдаления от 1991 года, не устраивала все большее количество участников международных процессов. В результате по окончании холодной войны мы оказались в ситуации, когда применение военной силы вновь стало «нормой»⁴, ведь ракетно-бомбовые удары наносились теперь теми, кто находился «на правильной стороне истории».

Сегодня мы вновь стоим перед несправедливым вопросом, кто и как определяет критерии нормальности. Одних лишь намерений прекратить войну и отказаться от нее как от «продолжения политики иными средствами» недостаточно: война, как провидение, вновь возвращает нас к «точке старта» закладывания основ новых порядков. Политический философ Г. Моргентау в связи с этим писал о циклической природе насилия: «Отними у них оружие, и они будут либо драться голыми кулаками, либо найдут себе приспособления, с которым тут же вступят в новую схватку»⁵.

1 *The Making of Peace: Rulers, States, and the Aftermath of War*, edited by W. Murray and J. Lacey. Cambridge University Press, 2009. P. 209–210.

2 Мюллерсон, Р. От падения Берлинской стены до возведения новых ограждений // Россия в глобальной политике. – 2022. – Т. 20 (2). – С. 35.

3 Сушенцов, А.А. Почему мы скучаем по холодной войне // Валдай. 6 мая 2022. [Электронный ресурс]. URL: <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/pochemu-my-skuchaem-po-kholodnoy-voyne/> (дата обращения: 15.06.2022).

4 Мюллерсон, Р. От падения Берлинской стены до возведения новых ограждений // Россия в глобальной политике. – 2022. – Т. 20 (2). – С. 45.

5 Speer, James P. "Hans Morgenthau and the World State." *World Politics* 20, no. 2 (January 18, 1968): 207–227.

Недоучет и прямое игнорирование интересов различных государств, попытка их маргинализации и продавливание собственных ценностей как универсальной нормы не приближает мир, а отдаляет его, ибо ответами на выстраивание «общих знаменателей» в глобальном масштабе становятся ресентимент, ревизионизм, националистическая мобилизация, отодвигающая на второй план личные права и свободы. Парадоксально, но провозглашаемая борьба за свободу и демократию способствует их деградации.

Мы считаем, что сегодня как никогда важно поспорить о том, как сделать мир будущего более безопасным, предсказуемым и стабильным. Но делать это с однозначными приговорами, отказываясь от анализа причинно-следственных связей в вызревании того или иного конфликта, не только контрпродуктивно, но и опасно.

Мы, редакционная коллегия «Международной аналитики», задумывали второй номер, посвященный фактору силы в мировой политике, задолго до начала российской специальной военной операции на Украине. События последних месяцев значительно актуализировали всю проблематику, связанную с конфликтами, вооруженными противостояниями. Конечно, в материалах, предлагаемых для публикации, и мы, и наши авторы не могли всего этого не учитывать. В то же время нашей задачей было не превратить номер в политизированный боевой листок и не следовать конъюнктуре, когда украинская тема, перефразируя Т. Мора, «съела» бы все остальные не менее важные сюжеты.

Второй номер нашего журнала открывает интервью Дмитрия Тренина. Известный эксперт по вопросам международной безопасности проводит четкие разграничительные линии между холодной войной, завершившейся три десятилетия назад, и нынешней ситуацией в мире. По его мнению, прямые аналогии между двумя эпохами, скорее, дезориентируют, чем помогают разобраться в сегодняшней мировой обстановке. Дмитрий Витальевич считает, что нынешнее противоборство России и коллективного Запада отличается *гибридностью*. Сама же конфронтация «ведется гораздо активнее и сразу на нескольких уровнях».

В 1975 году политолог-международник Э. Мак, впечатленный поражением США во время войны во Вьетнаме, поставил интеллектуально провокационный вопрос: «Почему большие нации проигрывают малые войны?»¹. С той поры немало исследователей обращались к феномену *асимметричного конфликта*. Во втором номере «Международной аналитики» один из наиболее авторитетных исследователей данной темы профессор Лариса Дериглазова обращается к опыту асимметричных конфликтов и интерпретации теоретических аспектов данной темы в США и в России. Такой анализ имеет как академическую, так, очевидно, и прикладную ценность.

В современных военных противостояниях информационный фактор играет не меньшую роль, чем динамика на полях сражений. В статье Грега Саймонса рассматриваются способности политических субъектов создавать представления и *интерпретации принимаемых решений*, событий и процессов, происходя-

1 Mack, Andrew. "Why Big Nations Lose Small Wars: The Politics of Asymmetric Conflict." *World Politics* 27, no. 2 (January 18, 1975): 175–200.

щих на международной арене. Автор сосредоточен на информационной политике западных стран (прежде всего, США) как средстве воздействия на внутреннюю и внешнюю аудиторию. В качестве иллюстративных примеров Г. Саймонс применяет дискурсы «неизбежного» и «неотвратимого вторжения», активно использующиеся американскими СМИ в отношении России и КНР.

Но если Грег Саймонс говорит о западных дискурсах в отношении политики Москвы и Пекина, то Арчил Сихарулидзе рассматривает восприятие России в Грузии при помощи концепта *секьюритизации*. Автор говорит о том, почему действия Москвы воспринимаются грузинским политиком как угроза национальной безопасности, объясняет алгоритмы формирования таких представлений.

Статья Павла Карасева посвящена эволюции *облика кибервойны* в национальных дискурсах ведущих держав. В настоящее время противостояние в интернет-пространстве все чаще оказывается в фокусе общественно-политических дискуссий, которые, к сожалению, часто грешат конспирологическими построениями в ущерб пониманию сущности проблемы. Автор полагает, что анализ сегодняшней международной повестки позволяет сделать вывод о том, что эскалация конфронтации в киберсфере чревата новыми рисками и непредсказуемостью. По его мнению, крайне важны механизмы выработки «правил игры» для предотвращения киберконфликтов в будущем. Скорее всего, данную проблематику необходимо будет увязывать с решением вопросов стратегической стабильности.

Дмитрий Стефанович и Дэниел Поррас идут во многом сходным путем, что и Павел Карасев. В фокусе их внимания *космическая безопасность*. Они отвечают на вопрос о том, какие риски и угрозы содержатся для великих держав в случае, если космическое пространство станет местом растущей военно-политической конкуренции. По их мнению, соперничество в космосе не новая реальность. Но сегодня проблема боевых действий в космическом пространстве значительно актуализируется, а зависимость гражданской инфраструктуры от космоса намного более высока, чем раньше. Как следствие – необходимость выработки правил поведения для всех ключевых игроков.

В обзорной статье Марии Небольсиной рассматривается *феномен частных военных и охранных компаний* (ЧВОК) в современных международных процессах. Сегодня трудно себе представить любой военно-политический конфликт без их участия. Автор показывает их эволюцию, а также справедливо говорит о тех сложностях, которые создают данные структуры как для государств, так и для обществ. Эти трудности касаются как механизмов правового регулирования ЧВОК, так и правозащитной тематики.

Рецензия Адлана Маргоева посвящена анализу книги Роберта Джервиса «Почему разведка терпит неудачу: уроки революции в Иране и войны в Ираке». Автор справедливо указывает, что *ошибки разведки* (как и других структур государства) должны, прежде всего, предостерегать от любых внешнеполитических шагов, кажущихся, на первый взгляд, простыми. Любой чужой неудачный опыт важен для того, чтобы в будущем купировать собственные внешнеполитические провалы. И в этом смысле ошибки разведорганов США, допущенные ими в Иране и Ираке, имеют значение, выходящее за рамки одного отдельно взятого странового случая. Любой эксперт-международник найдет в их исследовании немало для своей «научной кухни».

Таким образом, в нашем новом номере мы предприняли попытку нового осмысления фактора силы и военного-политического измерения в международных отношениях. Не уходя от острых актуальных проблем и понимая, что имеется риск эмоциональных реакций на тот или иной текст, мы в то же время сделали акцент на академической объективности. Конечно, время для беспристрастного анализа современных конфликтов и вооруженных противостояний наступит рано или поздно. Но приближать его нужно уже сегодня силами экспертов, ставящих понимание выше однобоких и тенденциозных суждений.

Сергей Маркедонов, главный редактор
Никита Неклюдов, ответственный секретарь